

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В этом году исполнилось 170 лет со дня рождения Шарля Франсуа Гуно (1818—1895 гг.). Его опера «Фауст» до сих пор удерживает абсолютный «мировой рекорд» по числу ежегодных исполнений — около 2000!

Шарль Гуно, которого «открыла» известная французская певица Полина Виардо, обладал многими талантами. Он был композитором, отличным музыкантом-исполнителем, органистом, музыкальным критиком и журналистом. Его перу принадлежат «Автобиография», «Мемуары артиста», многие статьи в газетах и журналах. Одну из них, опубликованную в 1886 году в газете «Менестрель» и не потерявшую своей актуальности, «Литературная Россия» предлагает сегодня вниманию читателей.

Шарль ГУНО

АРТИСТ
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

ТА ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ огласка, которую придает современное общество жизни и творчеству артиста, по-моему глубокому убеждению, оказывает на него гораздо более негативное, чем позитивное влияние.

Прежде — и это «прежде» еще не так далеко ушло от нас — люди видели в артисте скорее отшельника, одинокий приют которого был священным и неприкосновенным; они всячески старались не нарушить ту тишину, ту его сосредоточенность, без которых очень трудно, если вообще не невозможно, замыслить и произвести на свет крепко сбитое сочинение. Сочинение, одерживающее победу над временем, этим грозным судьей, которое не щадит того, что делается без его участия.

Сегодня артист себе не принадлежит, он принадлежит всем; он не просто мишень, он — жертва. Его личная, созидательная жизнь почти целиком поглощена, конфискована, растрепана и промотана так называемыми социальными обязательствами, что постепенно удаляют артиста сетью пустых, бесплодных занятий, из которых состоит жизнь тех, кто лишен ясно выраженной цели и движителя высшего порядка. Короче говоря, артиста пожирает свет.

А что такое свет? Это собрание людей, которые ужасно опасаются скуки, которые хотят во что бы то ни стало уйти от себя, чтобы не оказаться наедине с собой.

Если вычтеть из жизни артиста часы, уходящие на постоянно растущее число пастухов, вздорных требований, которые, словно соревнуясь, крадут у него часть каждодневных трудов, то возникает вопрос: где же взять дополнительный запас энергии, каким усилием воли, сконцентрированности в себе отыскать время для выполнения своей первостепенной обязанности — достойно следовать избранной карьере, которой по праву должны принадлежать все его лучшие силы души, его самые яркие способности?..

Мольер, который своим цепким взглядом охватил все глубины человеческой жизни, который твердой рукой начертил маршруты всех ее неизведанных перипетий, вложил в уста первого министра Кольбера размышления, исполненные глубочайшей мудрости и самой здоровой философии:

Творца визиты лишают жизни цельной,
Разделенная мысль не станет мыслью дельной, —
И, преданный двору, искусству незнаком, —
Лишь в пламени стихий сгораешь целиком!

Можно представить, что же выйдет из головы, из рассудка человека, постоянно раздражаемого между светскими раутами и зваными обедами в городе, постоянными вызовами на различные собрания, встречами и напором корреспонденции, навязчивостью которой не дает ему ни минуты покоя; а ведь виновникам всего этого сумбура и в голову не приходит мысль: «Послушайте, вот у этого человека я, по существу, краду время, его мысль, его жизнь». В конце концов все эти мелкие тиранства приводят к великой тирании общественного неуважения!

А эти визитеры, эта толпа бездельников и любопытных, которые буквально осаждают дом с утра до вечера! Мне могут возразить: «Сами виноваты, нужно запирайте дверь на ключ». Превосходно. Но вот приносит рекомендательные письма с просьбами об оказании услуги, и подчас бывает очень трудно отказать в каком-то поступке. При виде такого назойливого письма невольно терпешься, а очередной посетитель уже выжидает на пороге.

— Простите, мсье, я вам не помешал?
— Да, мсье, помешали.
— Ну, тогда извините, я немедленно ретируюсь. Я приду в другой раз.
— Ах нет, что вы?
— Ну... когда можно увидеть вас, не доставляя вам при этом беспокойства?

— Мсье, меня всегда беспокоят, когда я здесь.
— В самом деле? Значит, вы всегда очень заняты?
— Всегда, если меня только не беспокоят.
— Какая досада! Но я займу у вас только несколько минут!
— Боже мой, мсье, такого времени вполне достаточно, чтобы обезглавить человека, не только идею... Но если уж пришли, то говорите...
— Такие сцены происходят ежедневно. И здесь я говорю вообще об артисте. Но существует одна категория артистов, которые в этом отношении располагают особой «привилегией». Я говорю об этом со знанием дела. Речь идет о музыкантах.

Художник, скульптор отлично могут защитить свой рабочий день безжалостной, твердой ссылкой на обстоятельство: у меня сеанс натурщицы. Кроме того, на всякий случай он при разговоре может не выпустить из рук острый резец или кисть с палитрой. Ну, а музыкант? Нет, с музыкантом дело обстоит иначе. Так как он может работать днем, то его преспокойно лишают вечеров для развлечения салонов; так как он может работать и вечером, то у него бесстыдно похищают, крадут целые дни. Да ведь это же так просто — сочинять музыку! Не нужно никаких усилий, не требуется никакой работы, все идет легко и просто, от вдохновения!

Трудно себе даже представить это неподдающееся подсчету число самых нескромных требований, мишенью для которых служит несчастный музыкант. Молодые пианисты, виолончелисты, вокалисты, композиторы, поэты (лирические и прочие), преподаватели музыки, изобретатели различных методов, теорий, систем, владельцы периодических изданий, не считая уже бесчисленных просьб об автографах, фотографий, альбомах и прочем ассортименте товаров, — все это становится кажим-то чудовищным наваждением, которое превращает музыканта в подобие «обценациональной собственности», открытой для публики в любой час дня и ночи.

Короче говоря, уже не ваш дом стоит на улице, а сама улица проходит через ваш дом. Вся жизнь превращается в выпас для празднующихся, любопытствующих или скужающих лиц, для репортеров всех мастей, которые проникают в самые дальние углы дома, чтобы проинформировать публику не только об интимной стороне наших конфиденциальных разговоров, но и о цвете домашнего халата или рабочей куртки.

Ладно. Все это плохо и нездорово. Драгоценная, деликатная чистота творческого сознания, которая поддерживается только глубокой сосредоточенностью, теряет свою незапятнанность, каждый раз все сильнее мутнеет при контакте с этой вечной, гомонливой толпой, которая отличается лишь поверхностной, поспешной, лихорадочной активностью, не оправдывающей своими конвульсиями гибели того идеального равновесия души, которого уже ничем нельзя восстановить. Прощайте, благодатные минуты, часы покоя, прощай, горячая, яркая безмятежность, которая только и позволяет заглянуть в тайники самого себя; постепенно из-за внешнего раздражения и беспокойства августейшее святилище эмоций, мысли очень скоро превращается в глухую и мрачную тюрьму, в которой под тяжестью хлопот умирает то, что может жить только в абсолютной тишине.

Ах, если бы выделяемое тобой время действительно шло на пользу! Если бы его приходилось тратить на людей одаренных! Если бы оно поощряло, придавало мужества людям! Напрасные ожидания. Сколько бездарностей беспечно покачиваются на волнах этого океана взаимоотношений, ничего от него не заимствуя и ничего ему не предлагая!

Короче говоря, бич, истинный бич, бич по преимуществу — это люди, которым скучно, которые, опасаясь, как бы время не покончило с ними, спешат покончить сами с чужим временем.

Скучать... Быть собственной для себя скукой. Умудриться любыми доступными средствами убежать от самого себя. Есть ли в мире большее зло, чем скужающие люди? Какой же отдачи можно ожидать от них, если им что-то даешь?

Существует немало расхожих мнений (я мы очень редко задаемся целью проверить их)... Одно из них заключается в уверенности, что для того, чтобы преуспеть, нужно обязательно пользоваться симпатиями и протекцией света.

Протекция света! Но она не только отличается неопределенностью, она не только не постоянна, она очень сильно переменчива, кроме того, можно с уверенностью сказать, что обычно свет предлагает ее тому, кто в ней уже не нуждается. Когда жизнь подменяется существованием, можно ли удивляться, что мнимое выдает себя за настоящее?

Когда скрытого от нас Бога, того Бога, царствие которого находится внутри нас, больше нет, начинают создавать себе идолов. И вот уже множество артистов пытаются пустить пыль в глаза, мелькать по-

всюду, хватаются за хрупкую палочку-выручалочку рекламы, в ярких вспышках которой виден скорбный путь амбиций, путь, по которому прострествовало столько беспечных душ, столько пустых и вульгарных упований!

Существует лишь одна протекция, единственная, которой нужно заручиться, так как она того стоит, — это абсолютная искренность перед самим собой, необходимость поставить свою публичную деятельность под строгий контроль творчества, глубоко пережитого в себе, поставить слово под контроль мысли. Тогда утратит значение конфликт между различными мнениями. Сочинения передают весь тот жар души, который в них вложен, и они сохраняют его навечно; но нужно время, чтобы разжечь свой огонь и поддерживать его всегда. Вот почему один знаменитый композитор повесил на дверь такую знаменательную табличку: «Те, кто навещает меня, оказывают мне честь, те, кто не приходит, доставляют мне удовольствие». Другими словами: меня никогда не бывает дома.

А вот вам еще одна банальность, которую повсюду повторяют с неизменным энтузиазмом, и это клише повсюду разошлось громадным тиражом:

— Вы себя губите! Вы слишком много работаете! Нужно отдохнуть. Приезжайте к нам, это вам пойдет на пользу и немного отвлечет.

Это меня отвлечет! Именно на этом все так старательно настаивают, но именно на это я и жалею. Отвлечься можно в какой-то намеренно выбранный, подходящий момент, но «отвлечаться» нехотят означать, по сути дела, дезориентировать себя.

Работа — это усталость! Работа — это опасность! Ах, как мало нужно знать, что такое работа, чтобы оскорбить ее подобным образом. Нет, работа не обладает ни такой неблагодарностью, ни такой жестокостью; она во сто крат увеличивает силы, которые ей отдаешь, и, выражаясь языком финансов, это тот самый доход, который приносит ваш капитал.

Если и есть в мире работа, который трудится без роздыха, то это, несомненно, сердце. От его размеренного биения зависят наше дыхание кровообращение в каждом органе, который таким образом может исправно выполнять свою функцию. Все это чудо продолжается и во сне. Не пресекаясь ни на секунду. Может, посоветуем и ему, нашему сердцу, не утруждать себя слишком, отдохнуть немного, отвлечется, наконец?

Работа — это жизнь духа, как сердце — жизнь тела: это пища, кровообращение и дыхание нашего разума. Как и любой вид гимнастики, работа может означать усталость только для тех, кто мало ею занимается. Работу подчас представляют как наказание как кару: нет, она — блаженство и здоровье.

Сравните участок культивированной, плодородной земли с неужоженной залежью и признайтесь, что радость и счастье можно обрести только от культуры и изобилия. Нет, убивает не работа, а бесплодие; плодородие — это молодость и жизнь.

Я не хотел бы, чтобы обо мне подумали как о сварливом и печальном мизантропе, глядящем на артиста как на оборотня. Несомненно, и я это охотно признаю, современное общество умножило для артиста возможности для непосредственных контактов с различными социальными слоями, для встреч, которые могут иногда оказывать весьма приятными и полезными. Но, увы, все это идет за счет драгоценных часов упоительной тишины и спокойствия; за счет всплеска истинной эмоции, истинного душевного волнения. Что значит весь мишурный внешний блеск по сравнению с тем таинственным, возвышенным и теплым светом дорогого идеала, к которому постоянно стремишься, никогда его не достигая, и который влечет к себе так сильно, что поневоле начинаешь верить, что он нас любит, любит больше, чем мы его? Почему же не думают о том, какое несчастье приносят человеку, силой прогоняя его из храма ради того, чтобы привезти во дворец,

пусть он будет во сто раз прекраснее любого дворца из «Тысячи и одной ночи»?

Один из наших поэтов сказал: «Бокал мой невелик, но пью из своего бокала!»

Речь идет не о том, чтобы бокалы все были равной величины, главное, чтобы они всегда были наполнены до краев. Карлик, весь увешанный золотом, будет столь же счастлив, как и гигант, если только и для одного, и для другого счастье заключается именно в этом золоте... Не каждому дано быть могучим потоком, воды которого распространяют повсюду на своем пути плодородие; но даже самый скромный ручеек, если у него чистая, незамутненная вода, отражает в себе небо так же хорошо, как величайшие в мире реки и океанские просторы.

«Я отведу тебя в тишину и там стану говорить с твоим сердцем», — сказал один еврейский пророк. Еще один превосходный автор так выражает ту же мысль: «Привычка к уединению лишь обостряет его прелесть...»

— Ну а что вы хотели, — говорят иногда ласковым голосом, — таковы издержки популярности!

Вот еще одна формулировка, которой давно пора воздать должное, ибо отдавать себя на съедение только потому, что тебя не игнорируют, согласитесь, — слишком слабое утешение, не вызывающее особой зависти.

Недостаточно здесь повторить: обществу принадлежит не артист, а его творения; но сильные, мощные, однородные, долговечные сочинения не создашь постоянно прерываемой, расчленяемой работой. Пусть наше общество проникнется последним советом, данным Мольером высокоученому министру, о котором я говорил выше:

*Сознайся, лишь непрерывным
росчерком роскошного пера
Они и интересны для всех
и для двора!*

Слишком большая увлеченность артиста общественными делами может привести его к другой опасности, о которой к месту можно сказать здесь пару слов. Постоянно слыша вокруг себя гул различных мнений, восхвалений, критических замечаний, модных пристрастий, артист постепенно, незаметно для себя начинает сомневаться в себе самом, в своей природе, в правильности и полноценности испытываемых им чувств, эмоций, и в конце концов начинает ощущать себя словно в каком-то лабиринте Дедала, из которого нет выхода; голос его внутреннего водника тонет в этом гвалте, и вот он начинает выискивать точку опоры в каплях столь непостоянного божества, как мода, которая, естественно, предоставить ему такую точку не в силах. Говорят: «Тот, кто слышит один колокол, слышит лишь один звук». Это зависит от качества металла, от литья самого колокола, который, если он совершенен, создает целую серию гармоничных и мелодичных вибраций — то если послушать одновременно все колокола — какая ужасная какофония!

Тогда, когда затруднено дыхание, что нам тяжело, и мы прибегаем неверный термин; навкруг очень легко. То, что мы им тяжестью, по сути дела являемся разреженной атмосферой, нехваткой для дыхания свободного возду-

То же происходит и с интеллектуальной атмосферой. Ученый, артист, поэт и многие другие создают особую, свою атмосферу и соответственно свои особые условия для дыхания и асфиксии: поостережемся и не станем их лишать того элемента, которым они живут, и не позволим им задыхаться под тем, что справедливо названо «ужасной тяжестью пустяка».

Да, я хорошо знаю и признаю: артист — это существо необычное, ненормальное, странное и особое: это — оригинал! Согласен. Но если заставить его страдать, он страдает, и зачастую даже глубже, чем это может внешне показаться... Давайте же воспринимать его таким, какой он есть, оставим его таким, какой он есть; это единственный способ позволить ему стать тем, кем он может стать.

С французского.
Перевод Л. КАНЕВСКОГО